

УДК 94(47).084.3
DOI: 10.17223/19988613/62/5

К.А. Конев

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ИНОСТРАННЫХ СОЮЗНИКОВ В ВОЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ (АВГУСТ 1918 г. – ДЕКАБРЬ 1919 г.)

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6

Предметом рассмотрения в данной работе стали военные церемонии, осуществлявшиеся Временным Всероссийским и Российским А.В. Колчака правительствами, «сценарии власти» (термин Р.С. Уортмана) которых предполагали реализацию идей возрождения величия России и сохранения ее единства. Целью исследования стало выявление особенностей репрезентации образа иностранных союзников в рамках реализации различных военных церемоний, воплощавших в себе «сценарии власти» указанных антибольшевистских правительств. Автор приходит к выводу о том, что мотив единства и боевого братства антибольшевистских сил и союзников являлся ключевым в ходе реализации официальных торжеств. Демонстрация восстановленного единения России и Антанты символически выражалась в ходе проведения церемониальных торжественных встреч, праздников, награждений и смотров войск в сибирских городах. Все эти мероприятия были способны вовлечь значительное количество участников и зрителей, оказывая на них определенное эмоциональное воздействие.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Временное Всероссийское правительство (Директория); Российское правительство адмирала А.В. Колчака; «сценарии власти»; символическая репрезентация; военные церемонии; парады.

Выступление чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья в мае–июне 1918 г., приведшее к свержению советской власти на востоке России, послужило вместе с тем, по словам В.Г. Болдырева, «толчком к образованию двух новых мощных очагов борьбы против большевиков: на Волге – в районе Самары – и в Западной Сибири» [1. С. 26]. Каждая из существовавших антибольшевистских группировок, призывавших к созданию единой Всероссийской власти на освобожденных от большевиков территориях, в то же время стремилась играть ведущую роль в данном процессе. Тем не менее именно КОМУЧ и Омское правительство являлись, как отмечал Г.К. Гинс, силами, преобладавшими на Уфимском Совещании 8–23 сентября 1918 г., результатом которого стало создание Временного Всероссийского правительства (Директории) [2. Ч. 1. С. 208].

Правительства, возникавшие и сменявшие друг друга на востоке России в 1918 г., столкнулись с проблемой легитимации и признания их власти как населением, так и иностранными державами. Решение данной проблемы, равно как и успех в войне с советской властью, во многом зависели от способности антибольшевистских сил предложить обществу внятную альтернативу идеям и лозунгам большевиков. В основу официальной риторики как Директории, так и сменившего ее в ходе переворота 18 ноября 1918 г. Российского правительства адмирала А.В. Колчака была положена идея «возрождения великой и единой России». «Мы вышли на борьбу с большевизмом, ибо понимали, что его господство – разрушение России», – писал впоследствии один из членов Директории Н.Д. Авксентьев [3. С. 128–129]. Большевики, заключившие Брестский мир с Германией, рассматривались как союзники немцев и как

угроза не только для России, но и для всего цивилизованного мира. Это позволяло лидерам антибольшевистских сил трактовать российскую гражданскую войну как борьбу за возрождение России, между «силами прогресса» (Антанта и белые) и «варварами» (немцы и большевики). Таким образом, выстраиваемый правительствами белого востока нарратив о «борьбе за возрождение России» должен был укрепить авторитет власти и легитимировать ее действия в глазах населения.

Одну из ключевых ролей в нарративе «о возрождении России» играли иностранные союзники – страны Антанты и США. Именно от наличия или отсутствия поддержки Великих держав в немалой степени зависел успех борьбы антибольшевистского движения против советского правительства. В силу этого стремление получить помощь от иностранцев было характерной чертой внешнеполитического курса всех сменявшихся в Омске правительств [4. С. 97]. Ключевые задачи внешней политики антибольшевистских режимов – получение признания и помощи из-за рубежа – предопределяли характер восприятия и репрезентации союзников. Важно подчеркнуть, что формирование образа союзников происходило как в рамках дискурсивных практик – с помощью информационной и пропагандистской деятельности, так и в процессе осуществления различных практик официальной репрезентации власти – торжеств, ритуалов, коммемораций, а также демонстрации определенной символики.

Названные элементы символической презентации власти в настоящее время становятся предметом пристального внимания исследователей. И особый интерес в данном случае вызывают периоды революционных потрясений, когда, по словам Б.И. Колоницкого, в политической культуре происходит растворение старых

институтов «расплавленной государственности» и создание условий для «кристаллизации» политических культур и субкультур, способных стать основой для новых политических институтов [5. С. 9]. Необходимо отметить, что на сегодня среди гуманитариев не существует конвенционального и четкого определения того, что такое «политическая культура», несмотря на то, что сам этот концепт, по словам В.В. Журавлева, занял свое место в исследовательском инструментарии ученых, изучающих Революцию и Гражданскую войну [6. С. 31]. Результатом этого является обращение к различным элементам и проявлениям революционной и ранней советской политической культуры, в том числе в региональном, в частности, сибирском контексте. Примером могут послужить работы Е.И. Красильниковой [7–9], в фокусе внимания которой ряд элементов советской политической культуры 1920–1940-х гг. таких как коммеморации, революционные праздники и обряды «красных похорон». Кроме того, исследовательница анализирует места памяти, связанные с событиями Гражданской войны в Сибири, рассматривая их как важный элемент политики памяти и перспективный ресурс для брендинга сибирских городов. В последние годы внимание историков привлекают и аналогичные символические практики, коммеморации и места памяти, связанные с антибольшевистским движением. Стоит выделить статьи В.В. Журавлева, в которых рассматриваются специфика формирования образа А.В. Колчака в контексте репрезентации антибольшевистских политических режимов, а также присутствие им символика и особенности титулования в существовавших организационных структурах [10–13]. Ряд аспектов, связанных с символической репрезентацией антибольшевистских правительств и их иностранных союзников, рассматривается в публикациях Д.Н. Шевелева [14] и М.М. Стельмака [4]. Чешский исследователь Т. Якл, рассматривая историю создания мемориалов, посвященных чешским и словацким военным, обращается тем самым к одному из интересных аспектов символической репрезентации Чехословацкого корпуса, как в период Гражданской войны, так и в настоящее время [15].

Обращаясь к изучению символических практик антибольшевистских режимов, нельзя обойти вниманием подход Р.С. Уортмана, исследовавшего мифы и символы русской монархии и предложившего понятие «сценарии власти». Данный термин обозначает особый способ презентации власти, предполагающий реализацию определенного мифа, который обеспечивает легитимацию политического режима [16]. Сценарий воплощался в форме различных церемоний, которые получали свое значение именно в его контексте. Использование подхода Р.С. Уортмана позволяет рассмотреть торжества, являвшиеся частью сценариев власти осуществлявшихся антибольшевистскими правительствами востока России в качестве наглядного представления общего для белого движения нарратива/мифа «о возрождения

России», и выявить роль и место представителей Антанты в данных практиках.

Цель данной работы – рассмотреть особенности репрезентации образа союзников в официальных военных церемониях, являвшихся частью «сценариев власти» двух антибольшевистских правительств – Директории и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Отметим, что исследование не претендует на полную реконструкцию и подробное описание всех церемоний и торжеств белого движения на востоке России. Основной задачей в данном случае является актуализация проблемы, представляющей интерес в контексте исследования политической культуры антибольшевистского движения.

Источниковую базу исследования составили материалы периодической печати, неопубликованные архивные документы, источники личного происхождения и визуальные документы, которые позволяют выявить особенности и цели символической репрезентации власти и союзников на территории востока России в рассматриваемый период. Особый интерес в рамках данной работы представляют документы комиссии по встрече союзных войск, созданной осенью 1918 г. в Омске специально для организации почетной встречи союзных эшелонов в столице Белой Сибири.

Необходимо отметить, что идеи воссоздания государственности и армии, проходившие красной нитью через идеологические конструкции всех сменявших друг друга в Омске правительств, являлись своего рода константами, вокруг которых строилась официальная риторика. Переменной величиной выступали демократические ценности, выражавшиеся в концепте «народовластие», восприятие и трактовка которого различались. Так, в период функционирования Западно-Сибирского комиссариата актуализировалась идея «народовластия», которая противопоставлялась большевистским лозунгам и в рамках дискурса умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков) связывалась с необходимостью созыва Учредительного собрания, важности поддержки земских учреждений и сохранения единства сил «революционной демократии» [14. С. 57–58, 59]. Эта же линия была продолжена и Временным Сибирским правительством, которое идею «народовластия» сочетало с темой единства государства и правопорядка [14. С. 60].

Временное Всероссийское правительство также объявляло о своей приверженности идеям демократии, сочетая их при этом с призывами к воссозданию «Великой и Единой России». Однако на первый план в содержании официальной риторики Директории выдвигались такие ценности, как «национальные святыни», «мощная Российская армия», «величие и единство державы Российской», «отечество и православная вера» [17. С. 187]. Реализуемый Директорией сценарий власти предполагал символическую репрезентацию данных идей. Так, стремление подчеркнуть силу и статус правительства повлекло за собой восстановление

старорежимного титулования. Как отмечал И.И. Серебренников, «исчезла прежняя “сибирская” простота членов Правительства в отношениях друг к другу. Все стало значительно торжественнее и официальнее» [18. С. 18].

После установления власти Российского правительства адмирала А.В. Колчака эти идеи получили свое дальнейшее развитие, что находило воплощение и в символических практиках. При этом сценарий власти нового режима получал дополнительную важную деталь – власть теперь персонифицировалась в лице Верховного Правителя, что требовало создания его позитивного образа, в том числе с помощью определенных церемоний. В.В. Журавлев, анализируя серию газетных текстов, посвященных поездке А.В. Колчака на фронт, в феврале 1918 г. указывает на то, что в описании поездки Верховного Правителя заметную роль играли «старорежимные» знаки, в то время как сам Колчак в своих речах неоднократно затрагивал тему «демократизма» [13. С. 27]. Любопытно, что и отдельные представители антибольшевистских сил акцентировали свое внимание на «старорежимности». В.П. Аничков, наблюдавший визит А.В. Колчака в Екатеринбург в феврале 1919 г., отмечал, что отъезд кортежа адмирала, состоявшего из нескольких автомобилей, был весьма торжествен. Это наводило автора воспоминаний на мысль о том, что Колчак вполне мог занять место Романовых [19. С. 207].

Итак, сценарии власти, как Директории, так и правительства адмирала А.В. Колчака включали в себя набор базовых идеологем, сводившихся к образу сильной власти, стремящейся к воссозданию России и правопорядка на ее территории, возрождению армии, но вместе с тем не чуждой и демократическим ценностям. Основопологающей ценностью при этом провозглашалось государство. Причем значимость данной идеи в каждом новом сценарии усиливалась. Так, из проведенного В.В. Журавлевым текстуального анализа присяг правительств, сменявшихся в Омске, видно, что присяга Временного правительства утверждала верность только «народу Державы Российской», обещание Директории – «народу и государству», присяга Колчака – только государству, но с существенным уточнением – «как своему отечеству» [20. С. 215]. Создание единой и сильной власти рассматривалось как непременное условие равноправных отношений со странами Антанты и США. «Если эта власть будет авторитетной и сильной у нас самих, то с ней будут считаться, как с действительным правительством, если же вокруг этой власти будет пустота, то мы переживем весьма тяжелые моменты национального унижения», – отмечалось в иркутской кооперативной газете «Дело» [21].

Данная идея, многократно озвученная в официальной и партийной прессе, вместе с тем имела и свое зеркальное отображение – успешное сотрудничество с союзниками легитимировало и укрепляло престиж правительства в Омске. Поэтому вовлечение союзных представителей в официальные мероприятия и торже-

ства, проводимые антибольшевистскими силами, должно было укреплять авторитет власти среди населения.

Каким образом союзники включались в сценарии власти Директории и правительства А.В. Колчака? Необходимо отметить, что и представительство, и спектр мероприятий для возможного участия были достаточно разнообразны, хотя и довольно четко очерчены. Державы, как правило, были представлены членами союзного высшего командования, офицерами и солдатами, дипломатическими представителями, официальными лицами, журналистами и представителями благотворительных организаций. Все они принимали участие в большей части крупных официальных мероприятий – парадах и смотрах войск, визитах и приемах Верховного Правителя, молебнах, траурных церемониях, банкетах.

Представляется весьма вероятным, что официальная омская печать, «отрабатывая» соответствующий заказ от органов государственной власти, стремилась освещать все наиболее значимые мероприятия и торжества, особенно с участием союзников. В силу этого, материалы официальных «Вестников» представляют большой интерес при определении количества и частоты подобных событий. В ходе изучения материалов омских правительственных газет (анализу подверглись издававшиеся в Омске «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник») удалось выявить 131 публикацию, посвященную 102 мероприятиям, на которых в период с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. союзники присутствовали в роли непосредственных участников событий или сторонних наблюдателей. Все эти мероприятия распределяются по 25 городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. Очевидно, что в силу различных причин в омских газетах не всегда сообщалось о событиях, которые происходили в других сибирских и дальневосточных городах. Тем не менее представленная выборка позволяет говорить о достаточно широком вовлечении союзников в различные практики официальной презентации власти. Из проанализированной выборки примерно 57 событий (70 публикаций) с участием союзников можно отнести различным военным торжествам, среди которых выделяются: парады и смотры войск, награждения, выставление почетного караула при встрече и проходах гостей, передача знамен, присяга.

Особое внимание к военным церемониям объясняется заданным еще в период Февраля контекстом. В разгар революционных событий 1917 г. военные ритуалы сыграли важную роль в утверждении нового политического порядка. Парады войск под революционными символами стали «впечатляющей демонстрацией верности революции и новому режиму» [5. С. 31]. С началом Гражданской войны каждая из противостоящих сторон начала активно опираться на военные церемонии как на способ укрепления легитимности, демонстрации силы и завоевания симпатий насе-

ления. Идея «возрождения армии» актуализировалась в пропагандистской риторике антибольшевистских сил регулярно и в период начала активной борьбы с большевиками [22], и уже после создания Всероссийского временного правительства, выражаясь в формуле «в армии – наша надежда» [23]. Соответствующие мероприятия призваны были убеждать в этом общество. Практически с самого начала активных боевых действий на востоке России иностранные военнослужащие стали принимать активное участие в военных торжествах. Рассмотрим вышеотмеченные типы подобных мероприятий подробнее:

1. Парады по случаю встречи интервентов на востоке России. Уже в середине 1918 г. в городах Поволжья и Сибири, переходивших под контроль отрядов антибольшевистского подполья и чехословацких частей, могли проводиться импровизированные парады с участием новоявленных «освободителей». «К вечеру начинают прибывать первые роты чехословаков: уставшие, в пыли, радостные и возбужденные, вооруженные с ног до головы, в полном порядке, они идут, отбивая шаг, с пением своего национального гимна. Все население города собралось сюда встретить войска. Тут старики, дети, женщины», – так описывалась встреча легионеров в Мариинске в томском «Голосе народа» [24].

В августе 1918 г. на Дальнем Востоке «с огромной помпой», по выражению В.Г. Болдырева, высадились войска стран Антанты и США, которые с момента своего появления стали принимать активное участие в различных торжественных актах [1. С. 30]. Первым подразделением союзных армий, высадившимся во Владивостоке, стал английский 25-й батальон Миддлсекского полка под командованием полковника Дж. Уорда. Англичан встретили на набережной оркестром и почетным караулом чешских войск и английских моряков с крейсера «Суффолк», присутствовали при этом союзные и русские офицеры, британский консул и председатель Земской управы. Впоследствии, когда британцы выдвинулись на Уссурийский фронт, они неоднократно удостоивались торжественных встреч, сопровождаемых выступлениями оркестров, произнесением речей и церемониальными маршами. Проход британских отрядов через Никольск, по словам Дж. Уорда, должен был показать жителям, «что долго ожидавшаяся помощь Союзников, наконец, действительно прибыла» [25. С. 31].

Описание встречи союзников было опубликовано также в западносибирской прессе, спустя несколько месяцев. В томской «Народной газете» в декабре 1918 г. вышла статья И. Петрова «Высадка союзников во Владивостоке», в которой раскрывались подробности появления представителей каждой союзной нации в городе. Автор, описывая особенности внешнего вида военнослужащих, указывал на их отличную подготовку и оснащенность. Все союзники, как следует из публикации, проходили церемониальным маршем по Светланской – центральной улице города. Приводил автор и

весьма любопытную деталь относительно появления японцев, которые специально сделали крюк в несколько кварталов, чтобы вступить на Светланскую через «царскую арку», воздвигнутую ранее в честь визита цесаревича (имеется в виду поездка цесаревича Николая Александровича в 1891 г.). Момент появления флага Страны восходящего солнца из царских ворот был, по словам автора, «увековечен японскими photographиями», которые затем растиражировала японская пресса [26]. Данная деталь примечательна тем, что японцы, стремясь сделать свое появление более эффектным, выбрали для этого триумфальную арку – объект, символически напоминавший о Николае II, визит которого в Японию в статусе наследника, как известно, был не очень удачным.

Таким образом, присутствие союзных десантов на востоке России, помимо очевидного военного, имело еще и важное символическое значение, убедительно доказывая общественности, что помощь прибывает. «До чего была сильна и наивна эта вера Русских в помощь союзников!», – писал впоследствии генерал К.В. Сахаров, характеризуя общественные настроения августа–сентября 1918 г. [27. С. 11]. Необходимо отметить, что ожидания этой помощи, являясь важной частью общей политической атмосферы, заставляли политиков и военных соответствующим образом готовиться к прибытию союзников.

Еще 4 октября 1918 г. согласно постановлению Административного Совета была организована специальная Комиссия по встрече французских (с 19 октября – иностранных) войск, целью которой являлась разработка программы, подготовка и проведение мероприятий по встрече союзных войск в Омске. В комиссию, которую возглавил директор департамента общих дел МВД П.П. Башилов [28. Л. 19], вошли представители пяти министерств: Внутренних дел, Иностранных дел, Военного, Снабжения и Путей сообщения [28. Л. 14]. Вплоть до конца ноября продолжались заседания Комиссии, в ходе которых ее участники разработали церемониалы встреч британских, французских и итальянских войск и решили ряд организационных вопросов.

Первыми удостоились торжественной встречи представители Туманного Альбиона. 26 октября 1918 г. в Омск, где усиленно готовились к их приезду, прибыли три британских эшелона (850 солдат и 20 офицеров) [28. Л. 45]. Согласно краткой программе мероприятия, опубликованной в «Сибирском вестнике», встреча должна была состояться в полдень на городской ветке [29]. В соответствии с разработанным Комиссией церемониалом британцев приветствовал почетный караул из войск гарнизона (одна русская рота, одна чешская рота и одна казачья рота), размещенный на площадке напротив станции. Там же располагались представители правительства (Председатель Совмина П.В. Вологодский, член Директории В.А. Виноградов, министр финансов И.А. Михайлов), различных ведомств, города, Красного Креста и городских дам. Вдоль пути сле-

дования английских войск должны были расположиться учащиеся городских учебных заведений и молодые солдаты гарнизона. Напротив Кадетского корпуса выстраивались его воспитанники «в полном составе, с хором музыки». После взаимных приветствий и церемониального марша британские войска должны были с музыкой проследовать по Атаманской улице к Кадетскому корпусу. После чего солдатам и офицерам предлагался обед, по окончании которого они отправлялись на отдых в отведенные для них помещения в Сельскохозяйственном училище [28. Л. 45–45 об.].

В публикации «Сибирского вестника», посвященной встрече, происходившие события представлялись как грандиозные и значимые для судьбы страны. «Развевающиеся союзные, национальные и сибирские флаги и небывало многочисленная толпа приветствовавших союзный отряд представляли зрелище еще небывалое в Омске. Этот день показал, что узы, связывающие союзные нации на борьбу с общим врагом, по-прежнему крепки», – сообщалось в газете [30]. Совместный парад русских, чешских и британских войск в столице Белой Сибири становился своеобразным символическим возрождением боевого братства недавнего прошлого, когда Россия плечом к плечу с союзниками по Антанте сражалась с Центральными державами. Восстановление этого единства, таким образом, становилось демонстрацией того, что Россия возвращает свой статус воюющей державы, что вместе с тем являло собой одну из ступеней к возрождению былого внешнеполитического могущества страны.

Торжества по случаю встречи еще одного союзного эшелона – на этот раз французского (1000 солдат и 150 офицеров) – состоялись во время получения известий о заключении перемирия на Западном фронте Первой мировой войны. Это делало событие еще более грандиозным, а также приносило в него новые смыслы и значения. Несмотря на опоздание поезда на 6 часов, на мероприятии, программа которого повторяла церемониал встречи британцев [28. Л. 52–52 об.], собралось «несколько десятков тысяч человек» [31]. Помимо стандартного чешско-русского почетного караула, присутствовали и английские солдаты под командованием Дж. Уорда.

Как и в предыдущем случае, торжества по случаю встречи союзников широко освещались в официальной прессе. Приветствуя «долгожданных гостей», редакция «Вестника Временного правительства» указывала на важную роль представителей держав Согласия в деле возрождения единства страны. «Дружеская рука помощи со стороны союзных держав была протянута, она помогла зародиться различным государственным образованиям, этим первичным ячейкам, откуда должна сложиться снова великая Российская держава», – отмечалось в газете [32].

Двойко представлялись в официальной риторике причины вмешательства союзников в дела России. С одной стороны, появление французского континген-

та, как и других союзных отрядов, представлялось как еще одна военная операция в рамках мировой войны. «Спасение разорванной на клочки, истерзанной, разоренной России близко – на выручку ей через моря и земли движутся доблестные войска наших союзников. Проехав через Сибирь, они с Востока нападут на ослабевающую уже в борьбе Германии (так в тексте, правильно – Германию. – К.К.)», – такие слова звучали в обращении Комиссии по встрече к гражданам Омска, которое составлялось, видимо, еще до получения известий о перемирии на Западном фронте и воспроизводило укоренившуюся идею об антибольшевистском фронте как новом восточном фронте, нацеленном на Центральные державы [28. Л. 74]. При этом открытие этого фронта представлялось как своеобразная плата Антанты за усилия России на начальном этапе Великой войны. «Кровавая жертва России, смерть сотен тысяч русских бойцов, павших смертью храбрых на полях Галиции и Пруссии, не пропала даром. Россия четыре года тому назад спасла Францию, теперь Франция спасет Россию», – гласил экстренный выпуск телеграмм Информационного Отдела Штаба Верховного главнокомандующего [28. Л. 76].

С другой стороны, говоря о мотивах помощи Держав, официальные и проправительственные издания обращали внимание на качества союзников как реальные, так и приписываемые. В результате этого происходила актуализация целого комплекса этнических и внешнеполитических стереотипов, бытовавших среди русской интеллигенции в XIX – начале XX в. Так, называя французов потомками тех, «кто не раз спасал интересы цивилизации», правительственная газета подчеркивала: «Французы явились к нам во имя торжества свободы, права и порядка» [28. Л. 76]. Акцентирование внимания читателей на положительных качествах союзников – бескорыстии, приверженности свободе и демократии – позволяло осуществлять продвижение сразу нескольких взаимосвязанных идей. Прибытие иностранной помощи становилось неизбежностью, которая обуславливалась благородством союзников, при этом сам факт помощи призван был укреплять легитимность Омского правительства. Кроме того, позитивные характеристики, приписываемые представителям союзных демократий, становились в риторике антибольшевистских сил своего рода ориентирами для развития русского общества, погруженного в анархию.

Таким образом, подкрепляя тщательно продуманными военными церемониями торжественные встречи иностранцев в столице Белой Сибири, руководство антибольшевистского движения предоставляло обществу убедительные и наглядные доказательства того, что союзники не бросили Россию. В то же время, символически восстанавливая связь с Антантой, нарушенную после подписания большевиками Брестского мира, Директория демонстрировала свое стремление стать центром возрождения величия и единства страны.

2. Смотры войск в ходе демонстрации могущества «возрожденной армии». Данные мероприятия не

приурочивались специально к встрече союзников. Сюда можно отнести моменты строевой подготовки на площадях городов, проходы войск перед отправкой на фронт, а также марши, происходившие уже на фронте и в прифронтовой полосе, по случаю визита представителей высшего руководства. Участие союзников в данных событиях могло быть как прямым – в роли участников маршей, так и косвенным – в роли наблюдателей, членов делегаций или инструкторов.

После создания режима адмирала А.В. Колчака заложенные ранее тенденции продолжали реализовываться, получая при этом свое дальнейшее развитие в рамках нового сценария власти. Регулярное проведение военных парадов и смотров войск, полковых праздников, участие военнослужащих в различных городских событиях – все это призвано было выступать ярким свидетельством возрождения России и ее военной мощи. При этом, как отмечает В.В. Журавлев, приобретение антибольшевистским движением вождистского характера ставило перед режимом задачу по репрезентации фигуры носителя верховной власти [33. С. 102.]. Верховный Правитель позиционировался как лидер и вождь армии, благодаря которому, по словам одного из идеологов антибольшевистского движения С.А. Ауслендера, «...всякое разъединение между Армией и Властью, такое гибельное, уничтожилось» [34. С. 8]. Очевидно, что неотъемлемой частью символической репрезентации фигуры А.В. Колчака являлись и военные церемонии, в которых зачастую принимали участие представители стран Антанты. При этом публичные заявления союзников, характеризовавшие адмирала с положительной стороны, призваны были способствовать формированию позитивного образа Верховного Правителя. Так, накануне поездки А.В. Колчака на фронт в декабре 1918 г. в прессе было помещено высказывание полковника Дж. Уорда, в котором английский офицер исходя из «своей демократической точки», полагал, что «Россия нашла мужа, который сумеет справиться с задачей восстановления армии, в лице адмирала Колчака» [35]. Несомненно, что подобное заявление из уст англичанина, офицера и демократа должно было подтвердить легитимность новой власти и ее способность победоносно завершить войну.

Поездки адмирала на фронт и посещение им передовых позиций с сопровождавшими этому награждениями военнослужащих и смотрами войск, в которых участвовали как опытные, так и только сформированные подразделения, являлись одной из форм укрепления авторитета Верховного Правителя и способом конструирования символического единства между армией и центральной властью. Кроме того, данные мероприятия призваны были вселять в обывателя уверенность в скорой победе и доказывать иностранным союзникам эффективность омского режима, демонстрируя мощь и боеспособность новой армии.

«В три часа дня состоялся парад войскам, представившимся в блестящем виде. Особое внимание обрати-

ли на себя ударный батальон, только что вернувшийся с позиции, кавалерийские части и английский военный оркестр. На правом фланге в числе начальствующих лиц находились представители союзных войск – английских, французских, чехословацких и сербских», – сообщалось в правительственном издании по случаю встречи А.В. Колчака в Екатеринбурге в мае 1919 г. [36]. Подробности парада в данном случае не просто переносили читателя на место события, но и должны были укоренять в его сознании конкретные идеи – о «блестящем» состоянии боевых частей и постоянстве присутствия союзников в стане «возрождающейся армии». Однако для некоторых участников антибольшевистского движения подобные демонстрации не являлись убедительным доказательством роста боеспособности белой армии. Генерал А.П. Будберг, ознакомившись с состоянием резервных частей в мае 1919 г., с присущим ему скептицизмом отмечал, что «войска готовы для строевых учений, для церемониала, ну а для боя это только толпа совершенно неготовых людей со всеми ее недостатками» [37. С. 27]. Все это, по его мнению, лишь усугубляло ситуацию, приводя к тому, что и А.В. Колчак и командование армии имели ложные представления о боевых качествах подчиненных им войск [37. С. 42–43].

3. Военные парады по случаю различных крупных праздников – как российских, так и иностранных. В данном случае союзники участвовали в событиях либо в качестве приглашенных почетных гостей, либо в роли инициаторов мероприятий. К примеру, в Забайкалье, где активную деятельность развернули японцы, городские жители нередко становились зрителями парадов с участием частей Японской императорской армии. Так, в ноябре 1918 г. в городе прошел японский парад в честь дня рождения Микадо (вероятно, в честь уже умершего Муцухито (03.10.1852–30.07.1912)). В публикации, посвященной данному событию, подчеркивались «строгая дисциплина и выдержанность войск», их техническая оснащенность (в параде участвовали даже аэропланы, «дополнявшие облик современной армии»), произведшие впечатление на публику» [38]. В данном случае российские граждане выступали лишь в роли пассивных наблюдателей, впечатленных мощью армии Страны восходящего солнца.

Иную картину представляет пример, связанный с парадом союзных армий во Владивостоке в связи с заключением перемирия на Западном фронте, прошедшим в ноябре 1918 г. и отличавшимся особым размахом. Безымянный автор, эмоционально описывая прохождение русских войск в составе парадных колонн, обращался к событиям прошлого: «Кто они? – Это солдаты России, те солдаты, которые входили в Париж, Берлин и Вену, те солдаты, которые переходили с Суворовым Альпы и брали Измаил. Стояли под Царьградом, беспримерно защищали Севастополь и Порт-Артур, переходили Карпаты, вторгались в пределы Германии, спасая французов, с почти голыми руками

сдерживали германскую армию, первые свершили надлом германской мощи, пока готовились другие, и первые сотворили то, что дало общую победу». Вписывая заслуги возрожденной армии в историю побед русского оружия, автор тем самым как бы предрекал и славное будущее – долгожданный вход белых в Москву [39].

В мае–июне 1919 г. во всех крупных городах антибольшевистского востока прошла череда официальных торжественных мероприятий, посвященных годовщине «освобождения Сибири» от большевиков. Неотъемлемой частью праздничной программы являлись и военные церемонии – в первую очередь парады, в которых помимо русских войск принимали участие и союзники. О предстоящих торжествах сообщали омские и местные периодические издания. В них же позднее давались отчеты о состоявшихся празднованиях. Особое внимание, разумеется, уделялось легионерам чехословакам как ключевым участникам антибольшевистского выступления. Различные объекты, события и персоналии, связанные с периодом «Освобождения Сибири», в процессе «вспоминания» превращались в «места памяти», которые символически, через общие представления о недавнем прошлом, объединяли сторонников антибольшевистского движения и одновременно с тем укореняли в сознании людей идеи, транслировавшиеся в рамках сценария власти правительства А.В. Колчака.

Следует выделить две ключевые идеологемы, наиболее ярко проявлявшиеся в данном контексте. Это идеи возрождения и поддержки «молодой русской армии» и укрепления единства нации. Осуществляя «вспоминание» начала борьбы с большевиками на востоке России и отмечая важную роль чехов и других союзников, идеологи и журналисты антибольшевистского движения использовали положительные образы иностранцев для актуализации темы единства фронта и тыла. «Молодая русская армия идет к историческому Московскому Кремлю, оскверненному пребыванием в нем двуглавого змея (имеются в виду Ленин и Троцкий. – К.К.); а мы все в тылу... неужели мы оставим путь, указанный нам всем год тому назад – в майский солнечный день корпусом восставших братьев чехов?», – вопрошал автор одной из статей, посвященных годовщине [40]. Следуя заложенной еще в середине 1918 г. тенденции, пресса, сообщая о юбилейных торжествах, представляла чехословаков в качестве коллективного «Другого», выступающего в качестве культурного эталона и образца для подражания [41. С. 206]. Использовался данный прием для «пробуждения национального чувства» русского народа. «Несомненно, много было причин, возбудивших в нас заснувшие национальные чувства, но я прежде всего и больше всего почувствовал свою глубокую, но скрытую любовь к родному, милому, русскому, нашему в соприкосновениях с братьями-чехословаками, которым сегодня в день годовщины их выступления на защиту русского национального развития тепло и неприсуданно

говорю русское спасибо!», – писал некто Р.К.Н. в новониколаевских «Военных ведомостях» [42].

Примечательно, что во Владивостоке годовщина свержения советской власти, состоявшаяся 29 июня, предшествовала устроенному союзниками торжеству по случаю подписания мирного договора в Версале, прошедшему 1 июля. Следуя друг за другом, оба события практически слились в одно большое празднество, сопровождавшееся большим парадом всех союзных войск. Смотр проходил в порядке французского алфавита – Америка, Китай, Франция, Великобритания, Италия, Япония, Польша, Россия, Сербия, Чехословакия. Как отмечалось в местной газете «Голос Приморья», «Войска прошли стройными рядами, оставив очень хорошее впечатление. Выделялись выправкой и стройностью наши молодые войска» [43]. Участвовавший в празднике генерал-лейтенант Д.Л. Хорват в своей речи по традиции указал на роль русской армии в годы мировой войны, в заключении отметив, что Россия, лишенная возможности праздновать мир, «...уповает на то, что ее друзья и союзники в своем счастье не забудут ее и увенчают свой успех деятельной помощью России встать на ноги и вернуть ей ее бывшее могущество и благосостояние» [44]. Таким образом, Верховный уполномоченный доносил до иностранцев мысль – окончательная победа союзников в войне («увенчание успеха») могла быть достигнута только после победы над большевиками.

4. **Выставление почетного караула** по случаю прибытия, встречи и проводов различных высокопоставленных гостей – российских и иностранных. Как правило, почетный караул сочетался с другими воинскими церемониями, являясь элементом какого-либо значимого торжества. Прибытие в уральские, сибирские и дальневосточные города представителей союзного командования и дипломатов, а также делегаций, включавших руководство антибольшевистских сил и иностранцев, практически всегда сопровождалось выставлением почетного караула – российского, иностранного или смешанного русско-союзнического. Примером может служить встреча начальника английской военной миссии генерала Нокса в Омске, в рамках которой был выстроен почетный караул, а в самой встрече приняли участие представители Сибирской армии и союзников, а также члены Директории. Верховный главнокомандующий Болдырев при этом передал войскам приветственные слова англичанина, который выражал уверенность в возрождении «России через воссоздание сильной армии» [45]. Аналогично приезд командующего всеми союзными силами в России генерала Жанена в Омск сопровождался выставлением почетного караула из французских военнослужащих на станции, в то время как городской гарнизон приветствовал генерала парадом [46].

Интересен данный вид церемоний и как своеобразный элемент межличностной коммуникации лидеров антибольшевистских вооруженных формирований.

Во время первой встречи Р. Гайды и Г.М. Семенова на станции Оловянной последний приветствовал чешский почетный караул. Подобное проявление уважения со стороны командования чехословацкого корпуса стало, по словам атамана, для него неожиданностью, но вместе с тем произвело весьма благоприятное впечатление. Примечательно, что во время ответного визита Гайды на станцию Борзя, Семенов также «встретил его с подобающим почетом и вниманием, приличествующим ему как генералу союзной с нами армии» [47. С. 203–204]. Данный эпизод весьма характерен как иллюстрация значения, которое вкладывали военные в соответствующие церемонии, свидетельствовавшие о проявлении уважения.

Специфика боевых действий, значимая роль добровольчества, а также различных «особых» и «отдельных» подразделений, выдвижение на первый план молодых, амбициозных и харизматичных «полевых командиров» и их быстрое продвижение по службе – все эти характерные для Гражданской войны обстоятельства выражались в том числе и в повышенном внимании к внешней атрибутике и церемониалу. Показательным примером может служить конвой генерала Гайды, внешний вид (в подражание бывшему императорскому) и поведение которого вызвали негативную реакцию генералов старой армии – К.В. Сахарова [27. С. 92] и А.П. Будберга [37. С. 23, 24].

По всей видимости, следует говорить о двояком восприятии военных церемоний. В то время как стремление государственных структур к тщательной проработке и исполнению различных торжеств и символических действий истолковывалось и воспринималось как проявление силы государства и свидетельство восстановления его мощи, попытки отдельных армейских командиров использовать всевозможные, порой экзотические, способы репрезентации могли вызывать раздражение и оценивались как «своеобразная атаманина» [37. С. 24].

Почетный караул, разумеется, являлся неотъемлемой частью церемониала встреч Верховного Правителя и сопровождавших его лиц, в том числе и представителей иностранных держав. Причем для адмирала подобный акт был также способом установления личной коммуникации с солдатами и получения информации о состоянии армии напрямую. Так, по крайней мере, это стремились представить официальная пресса и его сподвижники. О привычке А.В. Колчака пристально вглядываться в лица солдат караула писал упомянутый генерал К.В. Сахаров: «Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к родине и желание спасти ее» [27. С. 93]. В сентябре 1919 г. в официальном сообщении о прибытии Верховного правителя с фронта заострялось внимание на том, что в его поезде прибыла партия раненых, за встречей и угоще-

нием которых он наблюдал лично, «...обходя поезд, здороваясь и беседуя с ранеными и всем служебным персоналом» [48]. Тем не менее можно сказать, что попытки адмирала таким образом сблизиться с армией в конечном счете успехом так и не увенчались. Достаточно отметить, что его конвой, как известно, практически в полном составе перешел на сторону революционного гарнизона Нижнеудинска в январе 1920 г. [49. С. 134].

Причиной того, что народ так и не смог принять А.В. Колчака в качестве «своего», стало, по словам В.В. Журавлева, то, что омская пропаганда формируя образ Верховного Правителя, «подчеркивала его личную исключительность и сопричастность к европейской культуре». В результате герой становился иным, чуждым окружавшему его обществу, приобретая право на власть. Однако «такой сценарий репрезентации лишь добавлял отчуждения между и без того не слишком укорененной властью и основной частью населения» [50. С. 63]. Думается также, что и постоянное присутствие иностранных союзников, окружавших Верховного правителя на всех мероприятиях, встречавших его в составе почетных караулов, маршировавших и исполнявших музыку на парадах, лишь подчеркивало чуждость и шаткость этой власти в глазах населения.

5. Присяга, вручение и освящение знамен, полковые праздники. Одной из важнейших воинских церемоний и традиций являлось и является принесение присяги. Революционные события привели к замене традиционной для Русской Императорской армии клятвы на принесение присяги Временному правительству, что было болезненно воспринято частью офицерства. Эскалация Гражданской войны привела к возникновению целого ряда различных присяг, создававшихся в государственных образованиях, появившихся на просторах бывшей империи. Наиболее тщательно подготовленные документы, как отмечают Р.Г. Гагкуев и С.Г. Шилова, были созданы правительством А.В. Колчака [51. С. 262]. В условиях, когда на востоке России действовало множество отрядов и подразделений, в том числе национальных, церемонии принесения присяги могли быть весьма разнообразны, в силу чего в них вовлекались и русские военнослужащие, и западные союзники, и представители славянских народов. В феврале 1919 г. жители Челябинска могли стать свидетелями присяги офицеров и солдат сербского полка имени майора Благодича, которые объявили о своей верности Петру I – королю объединенных сербов, хорватов и словенцев [52].

Очевидно, что в ходе актуализации идеи возрождения армии особое значение придавалось принесению присяги новобранцами, а также созданию новых подразделений, которым в торжественной обстановке вручались знамена. В ноябре 1918 г. в Екатеринбург из Москвы через линию фронта тремя офицерами было доставлено знамя 3-го Гренадерского Перновского полка – «незаурядная историческая ценность», участ-

вовавшая в событиях войны 1812 г. Событие послужило поводом для торжества, в ходе которого реликвия была передана 28-му Ирбитскому полку горных стрелков. В празднике приняли участие представители военного командования и гражданских властей, члены Чехословацкого совета и британские офицеры. «Дежурное» присутствие чехословаков и Дж. Уорда вместе с тем придавало событию весомость и показывало иностранцам еще один этап возрождения страны – в частности, ее воинских традиций, о чем не забыл упомянуть в напутственной речи А.В. Колчак, пожелав Ирбитскому полку хранить заветы Перновского полка и поддержать его былую боевую славу [53]. Присутствовали союзные представители и на казачьем празднике в день памяти Св. Николая 6 декабря 1918 г., в котором также приняли участие войсковые реликвии – знамя Ермака и знамена, пожалованные войску царями Петром и Иоанном Алексеевичами. Иностранные представители в свою очередь отметились речами о скором величии России и необходимости ее присутствия на мирном конгрессе [54]. Как можно видеть, власть, опираясь на понятные и привычные символы (знамя полка), подкрепленные соответствующими церемониями (церковная служба и освящение реликвий, парад, банкет, торжественные речи), стремилась «перезапустить» оборванную в результате революционных событий традицию, цель которой – воспроизводство преданных и боеспособных подразделений, помнящих и готовых повторять боевые подвиги их предшественников.

Еще одним шагом в данном направлении стало возрождение празднования Дня Георгиевских кавалеров и практики награждения георгиевскими наградами. Как отмечает А.В. Сушко, затронувший данную тему, решение о восстановлении старорежимных наград хотя и имело определенную популярность среди молодых командиров, не успевших получить таковые, вместе с тем вызывало недовольство офицеров, имевших опыт многолетней службы в старой армии. Кроме того, это давало политическим оппонентам Омского правительства повод говорить о его реставраторских устремлениях [55. С. 298]. Тем не менее Георгиевские праздники с помпой отмечались и освещались в прессе даже в дни коллапса Омской власти. В декабре 1919 г. в Иркутске, куда эвакуировались правительственные учреждения, прошел очередной такой праздник, в котором приняли участие и союзники, награжденные этой наградой. Военнослужащие, участвовавшие в молебне и параде, в ответ на приветствие председателя Совмина Третьякова заявляли о готовности вести дальнейшую борьбу «за дело возрождения России и восстановления в ней попранных большевиками свобод» [56].

6. Награждение отличившихся военнослужащих и воинских подразделений. Вмешательство иностранцев в русские дела имело следствием ряд коллизий, связанных с особенностями награждения участников Гражданской войны. Интересен в данном случае эпизод, связанный с конфликтом между Командующим

войсками Восточного фронта Р. Гайдой и управляющим военным министерством А.Н. Гришиным-Алмазовым, затронутый в публикации В.В. Журавлева и Д.Г. Симонова. Стремление Гайды узаконить награждение Георгиевскими наградами участников боев с большевиками, как русских, так и чехов, натолкнулось на противодействие Гришина, считавшего это недопустимым, что привело к серьезному противоречию. Выпады Гайды в адрес управляющего военным министерством, как отмечают новосибирские исследователи, стали частью организованной «союзниками» кампании по дискредитации Гришина-Алмазова, завершившейся его отставкой. Между тем самовольные награждения, осуществлявшиеся Гайдой, продолжались [57. С. 186]. Еще одним ярким примером самочинной раздачи наград, в том числе иностранным подданным, стал Г.М. Семенов, жаловавший ордена японским и китайским офицерам и солдатам [57. С. 196].

Фактор присутствия иностранных войск, союзных антибольшевистским силам, порождал практику вручения зарубежных наград российским военнослужащим, что также призвано было подчеркивать факт воссоздания союзного единства времен мировой войны. В апреле 1919 г. французское командование через своего представителя полковника Болифрона прислало высокую награду ряду офицеров Сибирской армии. Орденом Военного Креста (*Croix de guerre*) с пальмой были награждены командиры корпусов генерал-лейтенанты Пепеляев и Вержбицкий. Военный крест с золотой звездой вручался генерал-майору Гривину, генералу для поручений при Командующем Сибирской армией полковнику Гусарек и начальнику оперативного отделения Сибирской армии полковнику Рыбалтовскому. Подполковнику Кононову – начальнику разведывательного отделения Сибирской армии – вручался крест с серебряной звездой. Последним трем ордена навешивались самим Болифроном, а командирам корпусов – командующим армией Гайдой [58].

Не скупилось французское командование и на награды для уральских казаков. В конце мая 1919 г. в Верхне-Уральске «при огромном стечении городского и сельского населения» состоялось вручение французских боевых наград атаману Захарову и девяти казакам. Награды были вручены от имени генерала Жанена капитаном Парисом, который посетил ряд казачьих станиц, где, по словам правительственной газеты, «население встречало его восторженно». Сам капитан при этом был выбран почетным гражданином Верхне-Уральска. [59].

Пожалование иностранных наград в торжественной обстановке демонстрировало, что союзники видят в офицерах и солдатах белой армии равных себе по статусу бойцов, что ставило антибольшевистские вооруженные силы на один уровень с прежней русской армией, означая возрождение военной мощи страны. Следовательно, факт награждения, в той же мере как парады и прочие церемонии, символически превращал

интервенцию в совместную боевую операцию равных по статусу сил, что призвано было отводить всяческие подозрения в корыстных стремлениях иностранцев и подкреплять статус Омской власти.

Весьма характерен в данном контексте эпизод, связанный с празднованием годовщины свержения власти большевиков во Владивостоке. Накануне события, 26 июня, советник МИД во Владивостоке В.О. фон Клемм в секретной телеграмме уведомил министерство о том, что чешское командование запросило коменданта крепости о предоставлении списка русских солдат и офицеров, могущих быть представленными к награждению орденами Чехословацкой республики. Запрашивая дельнейших указаний и справляясь о возможности награждения легионеров русскими орденами, чиновник при этом отмечал, что чехи таким образом фактически признавали Омское правительство [60. Л. 31]. В ответной телеграмме за подписью управляющего МИД И.И. Сукина указывалось на несвоевременность обмена наградами, поскольку официального признания все же не состоялось [60. Л. 32]. В данном случае показательна реакция Клемма на инициативу чехословацкого командования. Ожидания признания Омского правительства в середине 1919 г. создавали атмосферу, в которой любое позитивное действие иностранных союзников в адрес антибольшевистских сил рассматривалось в качестве весомого основания считать долгожданное признание состоявшимся.

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Военные церемонии, в частности парады, еще на рубеже XIX–XX вв. прочно вошедшие в общественную и культурную жизнь сибирских городов [61. С. 139], в период революционных потрясений 1917 г. закрепились как неотъемлемый элемент символической репрезентации новой власти. В условиях Гражданской войны каждый политический режим стремился использовать данный инструмент в свою пользу, демонстрируя тем самым собственную военную мощь и авторитет.

Существовавшие в Омске Временное Всероссийское правительство (Директория) и Российское правительство адмирала А.В. Колчака, стремились к воплощению представленного в их сценариях власти нарратива «о возрождении России», для чего активно использовались военные церемонии, способные оказать эмоциональное воздействие на участников и зрителей, закрепляя в их сознании определенные идеологемы. В содержании данного нарратива представители Антанты и США выступали в роли силы, способной оказать помощь в деле «спасения» России от большевизма, а также как олицетворение идей и ценностей, которые

являлись позитивными ориентирами для антибольшевистского движения.

Стремление представить союзников в качестве помощников и верных друзей антибольшевистского движения выражалось в военных церемониях, ключевой целью которых было символическое восстановление боевого братства периода Великой войны. Возвращение возрожденной русской армии в когорту воюющих держав призвано было и загладить вину за «предательство» Брестского мира, и олицетворять собой возрождение России как великой державы. В то же время постоянное, «дежурное» участие союзников в торжествах по всему востоку России – от Владивостока до Урала и Волги – должно было показать населению, что долгожданная помощь великих держав не слухи и не миф, а обыденная реальность.

Присутствие союзников на всевозможных военных торжествах, помимо этого, являлось своего рода демонстрацией эталона, той силы, на которую русским необходимо равняться. Церемонии, сопровождавшиеся в прессе соответствующей риторикой, призывали общество к стойкости и самопожертвованию, «пробуждению национального чувства». Вовлечение за счет массовости мероприятий широких слоев городского населения в ритуалы встреч и чествований союзников должно было формировать чувство причастности к «великим» и «историческим» событиям, способствуя росту сознательности отдельных граждан и сплоченности всего общества. Участие большого количества людей в подобных событиях подтверждается не только газетными сообщениями о «тысячах» зрителей, но и фотодокументами [62] и кинохроникой [63], запечатлевшими массы людей, наблюдавших, например, за парадом в Екатеринбурге, Омске и Владивостоке.

Но парадоксальным образом белые пытались актуализировать идеи патриотизма, постоянно апеллируя к образу «Других», представлявших собой иную культуру. Представляется, однако, что такая стратегия была заведомо ошибочной. Попытки опереться на помощь извне и на внешние же образцы не могли способствовать проявлению того самого «национального чувства», о котором писали антибольшевистские идеологи. Справедливыми во многом оказались слова сменовеховца А.В. Бобрищева-Пушкина: «...неумение всех белых вождей, по всей занятой ими громадной территории, оградить русское достоинство и, более того, русское достоинство, даёт и на будущее, которое бы ожидало Россию в случае их власти, самый мрачный прогноз. Ведь тогда Россия стала бы еще более слабой, еще более нуждалась бы в иноземной “помощи”» [64. С. 134].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. 562 с.
2. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин : Общество Возрождения, 1921. Ч. 1. 327 с.; Ч. 2. 609 с.
3. Авксентьев Н.Д. Patriotica // Современные записки. 1920. Кн. I. С. 125–135.
4. Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с.

5. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012. 336 с.
6. Журавлев В.В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и Гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке: Сборник научных статей. Новосибирск, 2015. С. 17–31.
7. Красильникова Е.И. Коммеративное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 71–75.
8. Красильникова Е.И. Формирование системы мест памяти, связанных с событиями революции и Гражданской войны в городах Западной Сибири (1920-е гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 1. С. 55–59.
9. Красильникова Е.И. Коммеморация противостояния: конструирование локусов памяти о Гражданской войне в городах Сибири // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 57–75.
10. Журавлев В.В. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск : Параллель, 2014. Вып. 5. С. 131–141.
11. Журавлев В.В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В.И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А.В. Колчаку // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2015. С. 121–144.
12. Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 64–70.
13. Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. №4 (10). С. 24–35.
14. Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск : Издательство Томского университета, 2017. 267 с.
15. Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94–95.
16. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М. : ОГИ, 2004. Т. 1 : От Петра Великого до смерти Николая I. 608 с.; Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II. 800 с.
17. Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 периодической печати в Сибири : материалы рег. науч. конф. (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. С. 183–188.
18. Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / сост. и предисл. В.А. Майера. М. : АСТ : Ермак, 2003. 695 с.
19. Аничков В.П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М. : Русский путь, 1998. 368 с.
20. Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2018. Т. 14. № 4. С. 210–221.
21. Дело. Иркутск, 1918. 11 окт.
22. Розенберг Д. Армия // Народная газета. Томск, 1918. 23 (10) июня.
23. Омск, 8 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918. 8 ноября.
24. Николаевич Н. К событиям под Мариинском (из записной книжки) // Голос народа. Томск, 1918. 21 июня.
25. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда. М.–Пг. : Госиздат, 1923. 172 с.
26. Петров И. Высадка союзников во Владивостоке // Народная газета. Томск, 1918. 13 дек. (30 ноября).
27. Сахаров К. В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. 324 с.
28. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 3952. Оп. 1. Д. 1.
29. Омск. Приезд союзных войск // Сибирский вестник. Омск, 1918. 26 окт.
30. Омск. Встреча английских войск // Сибирский вестник. Омск, 1918. 27 окт.
31. Встреча французских войск // Заря. Омск, 1918. 15 ноября.
32. Омск, 13 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск, 1918. 13 ноября.
33. Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. : сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111.
34. Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, 1919. 39 с.
35. Полковник Уорд об адмирале Колчаке // Правительственный вестник. Омск, 1918. 7 дек.
36. Поездка Верховного Правителя // Правительственный вестник. Омск, 1919. 10 мая.
37. Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2001. 336 с.
38. Хроника // Русский восток. Чита, 1918. 2 ноября (20 окт.).
39. Владивостокский парад // Освобождение России. Пермь, 1919. 15 мая.
40. 1918 г. – 26 мая – 1919 г. // Освобождение России. Пермь, 1919. 25 мая.
41. Шевелев Д. Н. «Наши братья по крови»: чехословацкие легионеры в информационном пространстве востока России (весна – осень 1918 г.) // Русин. 2018. Т. 54, вып. 4. С. 189–210.
42. Р.К.Н. Урок наглядного обучения // Военные ведомости. Новониколаевск, 1919. 25 мая.
43. Парад войскам // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 2 июля.
44. Речь Верховного Уполномоченного ген.-лейт. Хорвата // Голос Приморья. Владивосток, 1919. 4 июля.
45. Омск. Английская военная миссия // Сибирский вестник. Омск, 1918. 22 окт.
46. Приезд генерала Жанена // Правительственный вестник. Омск, 1918. 15 дек.
47. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М. : АСТ, 2002. 378 с.
48. Внутренняя жизнь // Сводка №30 Осведомительного отдела штаба Иркутского военного округа. Иркутск, 1919. 26 сент.
49. Шишкин В.И. Арест адмирала А.В. Колчака (декабрь 1919 – январь 1920 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Вып. 1. Сибирская контрреволюция в годы гражданской войны. Новосибирск : Изд-во НИИ МОО НГУ, 1997. С. 111–169.
50. Журавлев В.В. Герой как чужой: некоторые наблюдения над имагографией А.В. Колчака // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 48–69.
51. Гагуев Р.Г., Шилова С.Г. «Клянусь Всемогущим Богом...» Присяги Гражданской войны // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 257–274.
52. Внутренние известия // Правительственный вестник. Омск, 1919. 12 февр.
53. Вручение знамени // Правительственный вестник. Омск, 1919. 25 ноября.
54. Дневник. Казачий праздник // Правительственный вестник. Омск, 1918. 21 дек.
55. Сушко А.В. К вопросу о праздновании Дня георгиевских кавалеров и восстановлении георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62), т. 6. С. 295–299.
56. Дневник, Георгиевский праздник // Правительственный вестник. Иркутск, 1919. 13 дек.
57. Журавлев В.В., Симонов Д.Г. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и Гражданской войны 1917–1920 гг.: сибирская специфика. Новосибирск: Параллель, 2014. С. С. 180–214.
58. Французское командование... // Голос сибирской армии. Екатеринбург, 1919. 9 апр.
59. Внутренние известия // Правительственный вестник. Омск, 1919. 31 мая.

60. ГАРФ. Р200. Оп. 1. Д. 366.
61. Гефнер О.В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2015. № 2 (6). С. 136–139.
62. U.S. hdq'rs. in Vladivostok. Photo // Library of Congress. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://www.loc.gov/item/ggb2006005397/> (дата обращения: 16.09.2019).
63. Allied expeditionary forces in Siberia 1918–1919 // Docs Teach. The online tool for teaching with documents, from the National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: <https://www.docsteach.org/documents/document/allied-expeditionary-forces-siberia> (дата обращения: 16.09.2019).
64. Бобрищев-Пушкин А.В. Новая вера // Смена Вех. Прага, 1921. Июль. С. 91–150.

Kirill A. Konev. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: konev-k-92@rambler.ru

PRESENTATION OF THE IMAGE OF FOREIGN ALLIES IN MILITARY CEREMONIES OF ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN EASTERN RUSSIA (AUGUST 1918 – DECEMBER 1919)

Key words: The Civil War in Russia, the Provisional All-Russian Government (Directory), the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, “scenarios of power”, symbolic representation, military ceremonies, parades.

Based on the proposed by R.S Wortman term “scenarios of power”, the author of this article intended to consider the peculiarities of representation of the image of the Allies in the official military ceremonies that were part of the scenarios of power of two anti-Bolshevik governments – the Directory and the government of Admiral A.V. Kolchak.

The revolt of the Czechoslovak Legion and anti-Bolshevik underground in May-June 1918, which led to the overthrow of Soviet power in the East of Russia, served as the impetus for the creation of anti-Bolshevik statehood onsite of Siberia and the Far East. The official rhetoric of created in September 1918 Provisional All-Russian Government (the Directory), and then replaced it in the course of coup on 18 November 1918, the Russian government of Admiral A.V. Kolchak, was based on idea of “rebirth of Great and United Russia”.

The chances of anti-Bolshevik forces in Eastern Russia to succeed in the struggle against the Soviet government are largely depend upon the availability of support from foreign countries, primarily the Entente countries. The positive image of the Allies, as part of the myth of “Russian Revival”, has been formed not only through printed propaganda, but in the context of the implementation of various practices of formal representation of government – celebrations, rituals and symbols.

A number of basic forms of representation of anti-Bolshevik forces and the Allies were reviewed during the analysis of archival sources, press reports and memoirs of participants and eyewitnesses of the events. As a result, the following conclusions were reached:

The Directory and the Russian government of Admiral A.V. Kolchak in the course of their power-sharing scenarios strive for create a positive image of the foreign Allies, which was assigned to the role of assistants and teachers, whose experience should be oriented.

The motive of the unity of anti-Bolshevik forces and the allied nations was a key in the implementation of the official celebrations. It is the demonstration of the restored unity of Russia and the Entente that is manifested in the Restored Brotherhood in arms was intended to convince the public and the Allies themselves in the beginning of the revival of the Russian state, seeking to take its rightful place among the Great Powers.

The presence of a significant number of viewers, especially the various categories of urban population and military personnel at official ceremonies with the participation of representatives of the authorities and the Allies, ensured the public involvement in the process of forming the unity of Russia and the Entente, and it allowed to convey to the masses the key ideas and values of anti-Bolshevik movement by means of the visual images.

REFERENCES

1. Boldyrev, V.G. (1925) *Direktoriya, Kolchak, interventy* [Directory, Kolchak, interventionists]. Novonikolaevsk: Sibkrazizdat.
2. Gins, G.K. (1921) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii 1918–1920 gg. (Vpechatleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, the Allies and Kolchak. The turning point of Russian history, 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Beijing: Obshchestvo Vozrozhdeniya.
3. Avksentyev, N.D. (1920) *Patriotica. Sovremennye zapiski*. 1. pp. 125–135.
4. Stelmak, M.M. (2016) *Obraz inostrannykh soyuznikov antibol'shevistskogo dvizheniya v periodicheskoy pechati Zapadnoy Sibiri (may 1918 – dekabr' 1919 gg.)* [The image of the foreign allies of the anti-Bolshevik movement in the periodical press of Western Siberia (May 1918 – December 1919)]. History Cand. Diss. Omsk.
5. Kolonitsky, B.I. (2012) *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoy kul'tury rossiyskoy revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: On political culture of the Russian revolution of 1917]. St. Petersburg: Liki Rossii.
6. Zhuravlev, V.V. (2015) Ponyatie “politicheskaya kul'tura” v sovremennykh issledovaniyakh po istorii revolyutsii i grazhdanskoy voyny v Rossii [The concept of “political culture” in modern studies on the history of the Revolution and the Civil War in Russia]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 17–31.
7. Krasilnikova, E.I. (2014) The commemorative significance of mass funerals held for Civil War victims in the provincial cities of Western Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 71–75. (In Russian).
8. Krasilnikova, E.I. (2017) Forming the system of memorial places related to revolutions and the Civil War in Western Siberia (1920s). *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 24(1). pp. 55–59. (In Russian).
9. Krasilnikova, E.I. (2018) Commemoration of the confrontation: The construction of memory's loci about the Civil War in the cities of Siberia. *Praksema. Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*. 3(17). pp. 57–75. (In Russian). DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-57-75
10. Zhuravlev, V.V. (2014) K voprosu o titulovaniyakh v organizatsionnykh strukturakh antibol'shevistskikh rezhimov vostoka Rossii v period grazhdanskoy voyny [On the titles in the organizational structures of the anti-Bolshevik regimes of the east of Russia during the Civil War]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Vol. 5. Novosibirsk: Parallel. pp. 131–141.
11. Zhuravlev, V.V. (2015) Politicheskaya adaptatsiya v grazhdanskoy voyne: opyt sravnitel'nogo analiza privetstvennykh poslaniy naseleniya Sibiri predsedatelyu Sovnarkoma V.I. Ulyanovu-Leninu i Verkhovnomu pravitetelyu admiralu A.V. Kolchaku [Political adaptation in the civil war: the experience of a comparative analysis of welcome messages from the population of Siberia to the Chairman of the Council of People's Commissars V.I. Ulyanov-Lenin and the Supreme Ruler, Admiral A.V. Kolchak]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political adaptation of the Siberian population in the first third of the 20th century]. Novosibirsk: Parallel. pp. 121–144.
12. Zhuravlev, V.V. (2015) “Political hagiography” in the Civil War: Structure of biographical texts in the system of A.V. Kolchak's cult. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 22(4). pp. 64–70. (In Russian).
13. Zhuravlev, V.V. (2017) A.V. Kolchak's trip to the front, February 8–26, 1919: the ideological design. *Razvitie territoriy*. 4(10). pp. 24–35. (In Russian).

14. Shevelev, D.N. (2017) "Rol' pechatnogo slova v sovremennoy voyne ne men'she puli i shtyka...": osvedomitel'naya rabota antibol'shevistskikh pravitel'stv vostoka Rossii ["The role of the printed word in modern war is no less than of a bullet and a bayonet ...": An informative work of the anti-Bolshevik governments of eastern Russia]. Tomsk: Tomsk State University, 2017. 267 s.
15. Yakl, T. (2016) "To the Memory of Brothers Died in Rus'": Building the Monument for Killed Czechoslovakian Volunteers in 1918-1920. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 2(19). pp. 94–95.
16. Wortman, R.S. (2004) *Sisenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t.* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. In 2 vols]. Translated from English by S.V. Zhitomirskaya. Moscow: OGI.
17. Lukov, E.V. (2007) [The image of the Ufa Directory in "Bulletin of the Provisional All-Russian Government"]. *150 let periodicheskoy pechati v Sibiri* [150 years of Siberian Periodicals]. Proc. of the Regional Conference. Tomsk, April 19–20, 2007. Tomsk: TML-Press. pp. 183–188. (In Russian).
18. Serebrennikov, I.I. (2003) *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Velikiy otkhod* [The Civil War in Russia: The Great Departure]. Moscow: AST, Ermak.
19. Anichkov, V.P. (1998) *Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)* [Ekaterinburg – Vladivostok (1917–1922)]. Moscow: Russkiy put'.
20. Zhuravlev, V.V. (2018) Oath in Eastern Russia during the Civil War: text form and ideological content. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy – Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. 14(4). pp. 210–221. (In Russian).
21. *Delo*. (1918) 11th October.
22. Rozenberg, D. (1918) *Armia* [Army]. *Narodnaya gazeta*. 23rd (10th) June.
23. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva*. (1918) 8th November.
24. Nikolaevich, N. (1918) K sobytiyam pod Mariinskom (iz zapisnoy knizhki) [On the events near Mariinsk (from the notebook)]. *Golos naroda*. 21st June.
25. Ward, J. (1923) *Soyuznaya interventsia v Sibiri 1918–1919 gg. Zapiski nachal'nika angliyskogo ekspeditsionnogo otryada* [Allied Intervention in Siberia 1918–1919. Notes by the Head of the English Expeditionary Force]. Translated from English. Moscow; Petrograd: Gosizdat.
26. Petrov, I. (1918) Vysadka soyuznikov vo Vladivostoke [The allied landing in Vladivostok]. *Narodnaya gazeta*. 13th December (30th November).
27. Sakharov, K.V. (1923) *Belaya Sibir'* [White Siberia]. Munich: H. Graf.
28. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3952. List 1. File 1.
29. *Sibirskiy vestnik*. (1918a) Priezd soyuznykh voysk [Arrival of the Allied Forces]. 26th October.
30. *Sibirskiy vestnik*. (1918b). Vstrecha angliyskikh voysk [The greeting of the British troops]. 27th October.
31. *Zarya*. (1918) Vstrecha frantsuzskikh voysk [The meeting of the French troops]. 15th November.
32. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo pravitel'stva*. (1918) 13th November.
33. Zhuravlev, V.V. (2012) *Obraz A.V. Kolchaka v publikatsiyakh S.A. Auslendera* [The image of A.V. Kolchak in publications by S.A. Auslander]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the Twentieth Century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel. pp. 102–111.
34. Auslander, S. (1919) *Verkhovnyy pravitel' admiral A.V. Kolchak* [Supreme Leader Admiral A.V. Kolchak]. Omsk: [s.n.].
35. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918a) Polkovnik Uord ob admirale Kolchake [Colonel Ward about Admiral Kolchak]. 7th December.
36. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919a) Poezdka Verkhovnogo Pravitelya [The trip of the Supreme Leader]. 10th May.
37. Budberg, A.P. (2001) *Dnevnik belogvardeytsa: Vospominaniya. Memuary* [The Diary of a White Guard: Memoirs. Memoirs]. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
38. *Russkiy vostok*. (1918) Khronika [Chronicle]. 2nd November.
39. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919a) Vladivostokskiy parad [Vladivostok parade]. 15th May.
40. *Osvobozhdenie Rossii*. (1919b) 1918 g. – 26 maya – 1919 g. [1918 – May 26 – 1919]. 25th May.
41. Shevelev, D.N. (2018) "Our brothers in blood": Czechoslovakian legionnaires in the information space of the east of Russia (Spring – Autumn 1918). *Rusin*. 54(4). pp. 189–210. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/11
42. *Voennye vedomosti*. (1919) R.K.N. Urok naglyadnogo obucheniya [R.K.N. A Lesson in Visual Training]. 25th May.
43. *Golos Primor'ya*. (1919a) Parad voyskam [Military Parade]. 2nd July.
44. *Golos Primor'ya*. (1919b) Rech' Verkhovnogo Upolnomochennogo gen.-leyt. Khorvata [Speech of the High Commissioner Major General Khorvat]. 4th July.
45. *Sibirskiy vestnik*. (1918c) Angliyskaya voennaya missiya [English military mission]. 22nd October.
46. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918b) Priezd generala Zhanena [The arrival of General Janin]. 15th December.
47. Semenov, G.M. (2002) *O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody* [About Myself: Memories, Thoughts, and Conclusions]. Moscow: AST.
48. Anon. (1919) Vnutrennyaya zhizn' [Internal life]. In: *Svodka №30 Osvedomitel'nogo otdela shtaba Irkutskogo voennogo okruga* [Dispatch Summary No. 30 of the Information Department of the Headquarters of the Irkutsk Military District]. 26th September.
49. Shishkin, V.I. (1997) Arest admirala A.V. Kolchaka (dekabr' 1919 — yanvar' 1920 g.) [The arrest of Admiral A.V. Kolchak (December 1919 – January 1920)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Vol. 1. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 111–169.
50. Zhuravlev, V.V. (2019) A Hero as a Stranger: Some Observations on the Imagography of the A.V. Kolchak. *Novoe proshloe – The New Past*. 1. pp. 48–69. (In Russian).
51. Gagkuev, R.G. & Shilova, S.G. (2016) Military Oaths of Civil War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 257–274. (In Russian).
52. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919b) Vnutrennie izvestiya [Internal News]. 12th February.
53. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919c) Vruchenie znameni [Presentation of the banner]. 25th November.
54. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1918c) Dnevnik. Kazachiy prazdnik [The diary. Cossack festival]. 21st December.
55. Sushko, A.V. (2015) On the issue of celebrating the Day of Holders of St. George's Cross and Renewal of St. George's Orders in White Siberia during the Civil War. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(6). pp. 295–299. (In Russian).
56. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919d) Dnevnik, Georgievskiy prazdnik [Diary, St. George's Day]. 13th December.
57. Zhuravlev, V.V. & Simonov, D.G. (2014) O nagradnoy sisteme antibol'shevistskikh rezhimov vostoka Rossii (seredina 1918 – nachalo 1920 g.) [On the award system of anti-Bolshevik regimes in eastern Russia (mid-1918 – early 1920)]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Transformatsiya rossiyskoy politicheskoy sistemy v period revolyutsii i grazhdanskoy voyny 1917–1920 gg.: sibirskaya spetsifika* [Transformation of the Russian political system during the Revolution and Civil War of 1917–1920: Siberian specificity]. Novosibirsk: Parallel. pp. 180–214.
58. *Golos sibirskoy armii*. (1919) Frantsuzskoe komandovanie... [The French command]. 9th April.
59. *Pravitel'stvennyy vestnik*. (1919e) Vnutrennie izvestiya [Internal News]. 31st May.
60. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 366.
61. Gefner, O.V. (2015) Military parade in social and cultural life of the cities of Western Siberia in the late 19th – early 20th century. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2(6). pp. 136–139. (In Russian).
62. Anon. (2015) *U.S. Headquarters in Vladivostok*. Photo. The Library of Congress. [Online] Available from: <https://www.loc.gov/item/ggb2006005397/> (Accessed: 16th September 2019).
63. Anon. (n.d.) *Allied expeditionary forces in Siberia 1918–1919*. [Online] Available from: <https://www.docsteach.org/documents/document/allied-expeditionary-forces-siberia> (Accessed: 16th September 2019).
64. Bobrishchev-Pushkin, A.V. (1921) Novaya vera [New Faith]. *Smena Vekh*. July. pp. 91–150.